

Викки Латта

**Я - СТРАЖ
ПЛАМЕНИ!**

Академия высшей магии

Викки Латта
Я – страж пламени!
Серия «Академия
высшей магии», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68484080

Аннотация

Что важнее: достичь вершины или удержаться на ней?

Одна встреча – и надменный аристократ, сильный маг и будущий страж едва не потерял свой дар.

Одна встреча – и я получила шанс исполнить заветную мечту и поступить в академию.

Одна встреча изменила нас и порушила все планы заговорщиков.

Теперь мы оба стали мишенями и можем лишиться жизни. Или чего-то гораздо большего?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Викки Латта

Я – страж пламени!

Глава 1

Говорят, в минуты смертельной опасности вся жизнь пролетает перед глазами. Так вот, сегодня, лежа на обочине дороги посреди толпы охавших прохожих, я могла сказать: это утверждение – наглая ложь! На волоске от гибели в моем мозгу успела только промелькнуть строка сплошной брани и единственное цензурное: «Что? Опять?!»

Меня снова пытались убить. Причем как! Банальнейшим способом – сбив машиной! Это прямо неуважение какое-то... Никакой фантазии и творческого подхода.

– Может, ее в лечебницу? – задал резонный вопрос кто-то из сердобольных.

– Да она только что оттуда! – вмешалась Силь.

Подруга, энергично распахав всех локтями, наконец оказалась рядом с ошарашенной мной, только что чудом увернувшейся от летевшей на меня в лобовую машины.

Химере Пусе и распахивать никого было не нужно. Стоило только превратиться из милой кошечки во внушительную собаку, а затем как следует гавкнуть – и зрители расступились сами.

Меж тем Силь деловито поинтересовалась:

– Сколько у меня на руке пальцев?

– У тебя на руке – пять. Но показываешь ты мне два. Хотя лучше всего охарактеризовал бы нынешнюю ситуацию один. Средний, – прокомментировала я.

– Язвишь – значит, жить будешь, – с облегчением выдохнула подруга, а затем помогла мне подняться.

В лечебницу вернуться все же пришлось: пытаюсь уйти от столкновения, я здорово рассекла руку. Так что целителю пришлось накладывать заживляющие чары. Впрочем, ими все и ограничилось, задерживать меня здесь не стали, лишь напутствовали, что нужно снять повязку через пару часов. К тому времени от раны не останется даже следа. Я машинально кивнула, хотя мысли мои в этот момент были далеко.

Это падение подарило несколько синяков, пару ссадин и одну рану. А к ним в придачу – кучу вопросов. Кто это был? И повторится ли подобно еще? И смогу ли я в случае опасности сама дать отпор, используя собственную магию, которая ко мне наконец вернулась? И раз уж на то пошло, последний, может, не самый глобальный, но самый актуальный – это точно: в чем мне идти по улице?!

Легкое платье тонкого шифона после встречи с машиной оказалось разодранным от подола едва ли не до бедра. К тому же рукав в том месте, где я рассекла предплечье, был не только дырявым, но и залепанным кровью. А еще у босоножки сломался каблук. И как в таком виде, спрашивается, ид-

ти в академию?

Мы с Силь, как две девочки, и не пошли туда. А направились для начала в магазин. Там я выбрала себе практичные, а главное, крепкие штаны, футболку и свитер. На замену бо-соножкам – кроссовки, в которых можно со всем удобством удирать от неприятностей.

Теперь, после того, как Мор... или все же Дрон (?) – я так и не определилась, как мысленно называть этого талантлив-ого актера и по совместительству сына канцлера, – пере-числил мне на счет кругленькую сумму компенсации за все пережитое, я могла себе позволить такие траты, как попол-нение гардероба. В последнем спустя пару часов произошло еще одно прибавление. Правда, когда мы с Силь успели пере-кусить и добраться до лавки, в которой можно было приоб-рести все для учебы в столичной магической академии. Там-то я и купила себе новую форму адепки факультета стра-жей. Старая, увы, пала в неравном бою с ликвидатором.

Удивительно: кажется, это была такая же красная куртка, такие же штаны и рубашка, что выдавались мне две недели назад кладовщиком, и... в то же время одежда была абсо-лютно другой! Более мягкой, удобной, отлично сидевшей на фигуре.

С покупками, довольные и веселые, мы с Силь поехали в академию. Там у ворот я распрощалась с подругой и на-правилась к общежитию. Но, не дойдя до крыльца с десятков я-рдов, почувствовала на себе пристальный, буравивший ло-

патки взгляд.

Резко повернулась, готовая как бить простеньким атакующим заклинанием, так и бежать. Или и то и другое сразу. Это уж по обстоятельствам. В руке уже начал разгораться пульсар, когда я увидела поднимавшуюся со скамейки статную даму. От нее буквально разило высокомерием и надменностью.

Она прицедила:

– Разве за применение боевых заклинаний вне занятий адептов не ждет отчисление?

И я узнала этот тон... Эти глаза...

Точно такие же были у Дэна. И манера говорить, когда чем-то крайне недоволен, оказалась до невозможности похожей. И пусть волосы незнакомки блестели медью, а черты лица разительно отличались от таковых у Стиллы, я не сомневалась: передо мной родственница стража собственной раздраженной персоной. К слову, своих эмоций леди даже особо не скрывала: поджатые губы, прищуренные глаза, надменно вскинутый подбородок... Весь ее вид словно говорил, что она до меня снизошла. Да, именно так! Точно королевская цапля до головастика, что мельтешил у нее под ногами в луже. И сейчас она раздумывала: то ли склевать эту мелкую пакость одним молниеносным движением, размозжив в клюве, то ли понаблюдать за копошением и... все равно раздавить.

– А разве я его применяла? – в тон леди отозвалась я. Ме-

ня раздражали ее взгляд, ее манера держаться, ее тон. Так, словно я была не то что никем, а скорее ничем в ее глазах. И единственная причина, по которой я не ответила резко, — это догадка, что дама, стоявшая передо мной, возможно, дорогой для Дэна человек. Я прямо посмотрела на леди в строгом и элегантном черном платье, изящной шляпке, закрытых и даже на вид безумно дорогих туфлях-лодочках и ажурных перчатках и постаралась как можно мягче добавить: — Демонстрировать — не значит использовать.

С этими словами втянула заклинание в ладонь. Неизрасходованная магия обожгла руку. Но я почти этого не заметила, так меня, будто наотмашь по лицу, хлестнула следующая фраза собеседницы:

— Свои прелести моему сыну ты тоже только демонстрировала? Или использовала? — И она сделала несколько шагов ко мне.

Теперь между мной и, как оказалось, матерью Дэна была всего пара ярдов. А я подумала: зря старалась быть вежливой. Абсолютно зря.

— Простите? — Я сглотнула, стараясь дышать ровно.

— Ты все прекрасно слышала. А я не привыкла повторять. Или считаешь, что, если первокурснице-провинциалке без гроша за душой удалось очутиться в объятьях Дэниэла, она сможет стать и его женой? Так вот, хочу предупредить: дорога от постели до алтаря бывает долгой, тернистой, а в высшем свете порой и смертельно опасной.

– Что вы вообще несете? – нахмурилась я. К собственной чести, не перешла на крик. Мой голос звучал спокойно и даже отстраненно.

– Несу? – с показной задумчивостью спросила миссис Стилл и отчеканила: – Тебе – крупные неприятности, если не отстанешь от моего сына. У него есть официальная невеста. Так что тебе, девочка, ничего не светит.

– С чего вы вообще взяли, что я любовница Дэниэла? – холодно произнесла я. Хотя хотелось заорать: какая, к демонам, невеста? Огонь внутри меня взметнулся и начал разрастаться, грозясь вырваться наружу. И мне пришлось приложить немало усилий, чтобы его сдержать. Я старалась сконцентрироваться на совсем недавно обретенном даре, чтобы не произошло срыва и я не выгорела. Потому мой голос был сухим. Сил на эмоции не остались. Все уходило на контроль.

– Хм... я ожидала пылких речей о том, что ты и мой сын любите друг друга, а не вопросов. Но твоя сдержанность мне нравится. Хотя в личном деле эта черта характера почему-то не отмечена... – будто рассуждая вслух, проговорила миссис Стилл.

Но я оценила эту как бы невзначай демонстрацию ее силы и влияния: если она с такой легкостью смогла добраться до моего личного дела, то и до меня самой этой даме дотянуться будет нетрудно.

А мать Дэна между тем продолжила:

– Думаю, мы сможем договориться...

– Я не знаю, о чем вы вообще хотели договариваться, если даже понятия не имеете о предмете беседы, – произнесла я, заговорив на языке собеседницы. Причем специально не подбирала слова. Оно так само получилось.

Миссис Стилл вздернула бровь и уточнила:

– Что ты имеешь в виду?

– То, что вы не ответили на мой вопрос. И похоже, упорно считаете, что я пассия вашего сына. Хотя это и не так.

– А разве нет? – Стилл искривила губы в усмешке. – Тогда просвети меня: и кто же вы с ним?

– Друзья. Просто друзья, – в моем голосе жизни было не больше, чем на кладбище. Магия, сжатая в тиски контроля, не улеглась, лишь притаилась, пока вокруг заточенного в клетку самообладания огненного дара рушились стены моего мира.

– В мое время это назвалось немного по-другому, – произнесла Стилл, тем показав, что ее мнение осталось неизменным. – Когда мужчина побежал среди ночи спасать девушку из рук маньяка, что решил выпить ее дар, когда этот спаситель сам едва не умер, а затем в бреду на лекарской кушетке шептал ее имя и признавался в откровенном, и когда, наконец, мой сын, едва очнувшись, спрашивал, что с тобой... – она все же сорвалась... нет, не на крик, на повышенный тон. Но даже это говорило о многом. Не внутри меня одной ярились и бушевали эмоции, которые я задушила. Но Стилл справилась с чувствами довольно быстро. И холод-

но добавила: – И да, для возникновения дружбы нужно побольше времени, чем одна неделя. В отличие от влюбленности. Поэтому я могу с прискорбием согласиться: мой сын все же увлекся тобой, милочка. Но это увлечение. И оно быстро пройдет, стоит Дэниэлю тобой... наиграться. Это уже у него бывало. И не раз. Ты не первая в списке его любовниц. И не последняя. Мой сын порой... пылко увлекается чем-то, – она сделала акцент на «чем-то». Не кем-то... Еще раз показав мне мое место. – Но столь же быстро остывает. Так что повторю: не думай, что у тебя выгорит с ним что-то серьезное.

Речь леди вышла эмоциональной, долгой и убедительной. И я выслушала ее, не отводя взгляда. Но сжимая до белых костяшек кулаки. Потому не сразу обратила внимание, что Стилл озвучила не истинную, а официальную версию случившегося, в которой не было и упоминания о Море – сыне канцлера. А ликвидатор по ней же был просто психом.

Я сглотнула и ответила:

– Это вы можете думать что угодно. А я точно знаю: мы с Дэном друзья. Не больше, – выдохнула и твердо добавила: – И не меньше. И точка.

– Не могу понять: то ли ты умнее, чем кажешься на первый взгляд, то ли глупее, – процедила собеседница и жестко спросила: – Сколько?

– Простите? – опешила я.

– Сколько ты хочешь, чтобы исчезнуть из жизни Дэна? И не пытайся строить из себя оскорбленную невинность, наби-

вая цену. Тебе и твоей семье нужны деньги. Я могу их дать. Но в разумных пределах. Это выгодная сделка. А добраться до состояния нашей семьи, став женой моего сына, у тебя все равно не получится. Даю слово, – она произнесла это так твердо, что возникла убежденность: она добьется своей цели даже через мой труп.

Пламя внутри меня взревело. Я стиснула зубы, стараясь усилить контроль над даром.

Вдох. Выдох. Прикрыла глаза, концентрируясь на том, что происходит внутри меня. Смирять гнев, раздражение... Душу эмоции. Любые эмоции. Потому что если сейчас они возьмут верх...

Уже не я буду управлять своей магией, а она мной... И леди Стилл добьется своего: я исчезну из жизни ее сына. И из академии. И из нормальной жизни. На пару лет – так точно. Потому что место для магов с неустойчивым даром одно. И оно немногим лучше добровольной тюрьмы. И лишь по прошествии времени – реабилитационная комиссия, оценивающая стабильность источника и возможность вернуться в общество. Или как вариант – печати, запирающие магию в теле навсегда.

– Мне не нужны деньги. И, говоря это, я не набиваю цену, как бы вам ни хотелось верить в обратное... Все гораздо проще: вы хотите купить то, чего нет. Я не любовница Дэна.

Заверять «и никогда ей не буду» не стала. Не потому, что у меня были какие-то планы или виды на Дэна, как считала

его мать. Нет. Просто я никому не позволю диктовать мне условия, шантажировать, угрожать... Даже ликвидатору, не то что какой-то аристократке, считающей, что можно покупать друзей и изничтожать врагов, стоит за это только хорошенько заплатить.

А еще я доверяла Дэну. И хотела поговорить с ним лично. Пусть он сам мне объяснит все как есть. Особенно про эту свою демонову невесту! И тогда я буду принимать для себя решение. Только так. А не основываясь лишь на словах его матери.

– Все же умнее, – сделала вывод Стилл и довольно улыбнулась. А спустя пару секунд, во время которых окинула меня еще одним оценивающим взглядом, присовокупила: – Я рада, что ты все поняла правильно... И что со временем ваша дружба, – это слово она выделила особо, – и вовсе сойдет на нет.

И до меня, сражававшуюся со своими внутренними огненными демонами, не сразу дошло, что именно она имела в виду. А когда поняла... Мать Дэна осталась при своем мнении относительно наших отношений. Она все так же считала, что мы любовники. Но я испугалась ее. Потому просто решила отступить. Потому упорно и называла отношения с ее сыном лишь дружбой.

Она тонко улыбнулась мне и с намеком произнесла:

– Надеюсь, это наша единственная встреча.

– Хотелось бы в это верить, – в тон отозвалась я.

Миссис Стилл повернулась и пошла прочь. А я осталась стоять, чувствуя, как от тотального контроля жаркий огонь во мне начинал леденеть, превращаясь в обжигающее холодом пламя.

Прикрыла глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Я чувствовала себя как чаша, наполненная до краев. Одна капля – и будет взрыв.

Контроль. Тотальный. Над собственной силой. Эмоциями. Мыслями. Иначе я сгорю. Не знаю, сколько я так стояла, но наконец почувствовала, как разбушевавшийся дар постепенно начинал успокаиваться. Только при этом он становился каким-то другим. Если до встречи с миссис Стилл я ощущала свою магию алыми языками пламени, то теперь – белым огнем. Таким, в котором может сгореть даже металл.

Это значило лишь одно: произошел еще один скачок, прорыв на новый уровень дара. Но чем сильнее источник, тем жестче должен быть его контроль. А я со своей-то прежней магией толком не научилась управляться...

Закусила губу, стараясь притушить, приглушить внутри меня дар окончательно, чтобы он в последний момент не вскинулся, не вырвался. И тут услышала откуда-то сбоку:

– С тобой все в порядке? – Я распахнула глаза, повернулась и увидела Минига – одnogруппника, которого за смуглость, длинные темные волосы, собранные в хвост, и серьгу в ухе называла про себя Пиратом.

– Наверное, – ответила я.

– Еще не определилась? Это у вас, девушек, бывает. – Он усмехнулся и тоном, которым не спрашивают, а утверждают непреложную истину, произнес: – Давай я тебя провожу до общежития. А то вдруг ты решишь, что с тобой все же «нет», и грохнешься по дороге лицом в кусты, а ногами – на брусчатку. И будут о тебя прохожие запинаться.

– Ты прям романтик, – заметила, улыбнувшись.

– Угу, причем безнадежный, – не обиделся на мою подколку Пират, и мы двинулись к общежитию. Кстати, Мин взял еще и мою сумку с вещами. Для него это было проявлением дружеского участия и джентльменством, для меня – спасением. Потому что свой дар я сейчас использовать боялась, а тащить баул на одной силе собственных мышц... Все же, как выяснилось, весил он изрядно. Просто, пока мы мило болтали со Стилл, я, находясь под нервным напряжением, его веса не чувствовала. А сейчас вот ощутила.

– Ну давай, до завтра. Увидимся на паре по рунологии, – произнес Пират, когда мы подошли к крыльцу общежития.

Адепт уже хотел было ретироваться, но я не дала. Остановила вопросом:

– Мин, что изменилось?

– Ты это о чем? – спросил Пират с интонацией человека, который прекрасно все понял, но тянет время, подбирая максимально обтекаемый ответ.

– О том, что пару недель назад ты меня на дух не переносил, а сейчас помогаешь. Или успел нацепить на сумку ка-

кое-нибудь проклятье? – Я подозрительно прищурилась.

Мин решительно выдохнул, его тело напряглось, словно подготовившись принять удар, и он сказал:

– Пару недель назад я думал, что ты чья-то избалованная дочурка, решившая поиграть в стража. Ну или любовница... Решила воспользоваться связями и зайти с черного входа, тогда как все остальные штурмовали центральные ворота... Когда ты появилась, группа-то ведь набрана уже была. И тут какая-то смазливая мордашка впархивает. А ты, который все вступительные испытания прошел, тренировался, учился, пробивался и доказывал себе и отцу, что чего-то стоишь... – он замолчал, оборвав сам себя.

– Продолжай. – Я демонстративно сложила руки на груди в жесте: «Продолжай, я тебя внимательно скушаю. И слушаю тоже. Но меньше». Потому как мне хотелось покусать этого сноба. Решил он за меня, кто я такая.

– Что, даже пощечины не дашь? – насторожился Мин.

– А надо?

– Ну я, вообще-то, приготовился, – фыркнул Пират. – Обычно за такое девушки не задумываясь оплеуху могут дать.

– Будем считать, что я та еще сквалыга, у которой не выразишь ни снега зимой, ни пощечины во время скандала.

– Ты не прижимистая, у тебя правильная экономическая политика. А бережливые девушки мне нравятся... Как насчет того, чтобы стать моей девушкой? Ты же просто наход-

ка: не скандалишь, красивая. Живучая опять же, что для подруги стража зачастую немаловажно. И на полевые практики: все скучают по свиданиям, а мы с тобой... – тут же оживился Мин и...

Он все же отхватил. Только не великосветскую пощечину, а товарищеский подзатыльник, от которого, впрочем, частично успел увернуться.

– Понял, – охотно отозвался Мин и честно предупредил: – Но не отвял.

– Слушай, колокольчик, засохни! Или иди и звени в уши другим адепткам.

Пират посмотрел на меня так, словно я бросила ему вызов.

Да чтоб тебя! Я приготовилась к еще одной атаке Мина, попутно прикидывая, как половчее вырвать у адепта собственную сумку. И он, словно почуяв это, крепче схватился за ремень и с хитрой ухмылкой добавил:

– Ну вот. Я вообще-то хотел подкатить, а не прокатиться мимо. Но попробовать стоило: ты то, что мне надо. – Мин хитро подмигнул. – Хотя поначалу ты меня, да и многих в группе раздражала. Думали: ну вот, заявилась цаца-выскачка. А потом, когда тебя похитил этот псих ради выкачки дара – одного из самых сильных в академии... Одним словом, я понял, что тебе красивые цифры уровня магии в табеле не нарисовали. И даже если ты и чья-то протеже, то попала в стражи не за красивые сис... синие глаза, – быстро испра-

вился Пират, продолжая при этом смотреть отнюдь не в мои ясные очи.

– Ты поменял отношение ко мне только из-за этого? – удивилась я. – А если бы меня прибили, то я бы вообще в твоём списке стала самым достойным из стражей?

– Ну перегибать-то не надо, – остудил мой пыл Мин и иронично пояснил: – Ты была бы на втором месте.

– После тебя? – не удержалась я от сарказма.

Пират хмыкнул:

– Я передумал, Ники. Тогда ты была бы на третьем. – И так хитро улыбнулся, что стало понятно: это провокация.

Но до матери Дэна адепту было далеко, так что я на это лишь улыбнулась этой полушутливой попытке.

– Не надейся. Не взорвусь.

– Жаль. А у меня был коварный план: ты бы психанула, и я бы принял удар на себя и переключил бы твоё внимание самым действенным методом. – И Мин проиграл бровями.

– Увы. Это была проигрышная стратегия. Потому как я девушка спокойная и тихая. Спокойно закопаю. Тихо это дело отпраздную...

– От кого другого это прозвучало бы пустой угрозой, но от тебя, Ники... После того как ты уколошила своего убийцу, я готов верить таким заявлениям. Так что, пожалуй, предпочту не рисковать... – с этими словами Пират протянул мне мою сумку.

И едва я взялась за её ремень, добавил:

– Или не предпочту.

А затем развернулся на пятках и ушел, беззаботно насвистывая фривольный мотивчик. А я задумалась: это что такое было? Единичное явление? Или массовое?

Если сначала большинство одноклассников считали меня чьей-то то ли дочерью, то ли пассией, попавшей сюда по благу, то теперь кто-то мог свое мнение и поменять. И увидеть во мне не выскочку, а девушку. А это проблема. С учетом того, что меня ждала группа, состоящая почти из одних парней, будущих стражей, среди которых царит культ силы, а из самих адептов плещет тестостерон, – большая такая проблема.

С печалью вспомнился лысый белозубый Люк, который не заводил шашни с одноклассницами, ведь случись практика и попади он в пару с бывшей, которая могла затаить обиду, для него рейд мог бы плохо закончиться. Поэтому у громилы было кредо: все загулы – на сторонних ресурсах. В смысле, факультетах. И как жаль, что все остальные парни в академии этого правила не придерживаются.

Печально вздохнув, я поправила ремень на плече и направилась в свою комнату.

Глава 2

А там меня ждали соседки. Мрачные, словно плакальщицы, которые уже настроились на похороны и то, что им за стенания на них неплохо заплатят. А тут покойничек возьми да воскресни и сорви им весь бизнес.

– А я тебе говорила, что она живая, – вместо приветствия отозвалась некромантка. И мотнула рыжей копной взлохмаченных волос в мою сторону, как будто были варианты. – А ты еще сомневалась, Лори, в моем профессионализме. Убедилась теперь? Все с этой паразиткой в порядке!

– Ну, извини... – развела руками алхимик. – Она мне в таком кошмаре привиделась, что я испугалась.

И кучеряшка возмущенно глянула на меня в духе: как ты могла мне так скверно привидеться?!

Обычно вернувшихся почти с того света приветствуют радостными восклицаниями, закидывают цветами (иногда прямо в горшках), вешаются на шею, но... такие поздравления порой гораздо менее искренние, нежели слова моих соседа.

Из перепалки Лори и Дары я поняла одно.

Они переживали за меня. Искренне. Хотя и не хотели это показывать. И как только я это поняла, так сразу кинулась им на шею. Сначала ближайшей – Даре. Рыжая и пикнуть не успела – а я уже сжимала ее в объятьях.

– Спаси меня, – прохрипела рыжая, видимо, кудряшке. – Или хотя бы быстро убей. Эта психическая решила меня медленно расплющить.

– Убить тебя или ее? – деловито поинтересовалась Лори, глядя на нас с рыжей и еще не подозревая, что через пару секунд я отцеплюсь от Дары и столь же пылко кинусь на Лори.

– А-а-а, – взывала алхимик и удостоилась ехидной улыбки от некромантки.

– Теперь у тебя есть вопросы: кого именно нужно было грохнуть?

– Да, – просипела жертва моей благодарности и с чувством добавила: – Вас обеих!

– Я тоже вам рада! – произнесла я, когда на шаг отступила от Лори. Я была действительно рада их видеть: и рыжую, и кучеряшку.

– Поэтому от счастья решила придушить, чтобы вся комната досталась тебе одной? – подозрительно утонила некромантка.

– Не подавай ей идеи, – произнесла Лори тихо, делая вид, что шепчет на ухо Даре.

– Поздно, она уже вдохновилась, – отозвалась рыжая. А потом она махнула рукой и, противореча сама себе, сделал шаг ко мне и порывисто обняла. Уже сама. Я сначала подумала: мстит, но неожиданно услышала: – Да, мелкая бело-брысая зараза! Мы за тебя переживали.

– А кое-кто и пережил! – присовокупила Лори, тоже

подходя и обнимая.

– Я искала в морозильном ларе утешение и спокойствие, – парировала Дара. – И представь себе, даже находила.

– Моя настойка могла бы помочь тебе обрести душевное равновесие гораздо быстрее, – фыркнула кучеряшка.

– Зато мой вариант однозначно вкуснее. Да и эликсиры и тебе-то самой не сильно помогли, – тут же нашлась некромантка.

– Я переживала оптом: и за Ники, и за семью, – не сдавалась алхимик. – Мне и дозы нужны больше.

Дара ничего на это не ответила. Да и мне нечего было сказать. Мы так и стояли, обнявшись. Это длилось, наверное, с минуту, если не больше. И при этом даже никто не пытался меня придушить в ответ. Вот чудо!

А потом, когда объятия распались, я услышала:

– Так и быть, белобрысая, твоя взяла. Мы не будем больше тебе специально пакостить... – торжественно произнесла некромантка. Тем провозгласив окончание соседской условной войны.

А еще я поняла, что пакостить «не нарочно» рыжая и кучеряшка не обещали.

– Ну что, готова к завтрашнему учебному дню? – спросила Лори.

– Нет, – честно ответила я. – Я так устала, что даже не уверена, что смогу встать завтра утром сама из кровати.

– Не переживай. Если что, я тебя из нее эксгумирую, –

благородно пообещала некромантка. И я начала понимать, почему с Дарой никто не хотел селиться.

С соседками мы проболтали до самого ужина. А после столовой рыжая убежала на очередной ночной практикум, а Дара отправилась ставить в лаборатории в томильную печь эликсир, который должен был прогреваться двенадцать часов подряд при определенной температуре.

Я осталась одна, но ненадолго. Зазвонил магофон: Дэн хотел узнать, как прошел мой день. Ну я ему и рассказала. И о машине, которая чуть не сбила, и о его матери, которая проехалась по моей психике асфальтоукладчиком.

Когда я закончила, в трубке повисло напряженное молчание. Оно звенело, вибрировало, отдаваясь в натянутых струнами нервах.

И я не выдержала. Хотела задать этот вопрос при личной встрече, но не смогла.

– Так это правда? У тебя действительно есть невеста?

И выдохнула. Про себя молясь: только не лги. Не лги мне, Дэн. Я смогу пережить любую правду, но не обман. И он ответил:

– Да, есть. Моя помолвка с Анабель состоялась два года назад. Это был выгодный для наших семей союз.

Он больше ничего не сказал, а я не стала спрашивать, какая роль была бы в этом раскладе уготована мне. И так было понятно – содержанки. Не более. Но на нее я не могла согласиться. Как и не могла представить себе, что смогу делить с

кем-то того, кого люблю. Или все, или ничего.

– Ники, скажи что-нибудь! Не молчи! – прорычал в трубку Дэн.

Я чувствовала, как его голос звенит от напряжения, но внутри него сейчас взрываются вулканы, но вот только во мне сейчас была одна пустота. Она ширилась, поглощая все чувства и эмоции. Оставляя внутри лишь внешнюю оболочку.

– А что бы ты хотел услышать от меня? – бесцветным голосом отозвалась я.

– Да все что угодно! – выкрикнул он. – Да, я виноват в том, что не сказал тебе все сразу. Но когда бы я это успел?! В крепости, когда ты едва не умирала у меня на руках? Или чуть раньше, когда тебя похитил ликвидатор и я понял, что ты для меня дороже жизни?! И я, демоны подери, люблю тебя. Или я должен был сообщить тебе, что помолвлен, когда я валялся без сознания в палате? Или в день твоей выписки обронить так, промежду прочим? Скажи мне, Ники, когда?..

– Не знаю, – сказала и почувствовала, что Дэн в чем-то прав.

– Я тоже. Но в чем я уверен: что будущее, в отличие от прошлого, можно изменить. Поэтому прошу тебя, Ники, не делай поспешных выводов. Хотя бы до того момента, как мы встретимся, чтобы ты влепила мне пощечину, – Дэн пытался пошутить, но вышло так себе.

Но я подумала, что, может быть, и правда лучше встре-

титься. Чтобы выяснить все до конца. И расстаться. Или остаться. Хотя оба варианта для меня будут болезненны.

– Ты меня с кем-то путаешь. Я не светская дама, чтобы с размаху гладить мужские щеки ладошкой. Я предпочитаю впечатать кулак в живот.

– Учту, – Дэн произнес это так, будто уже начал морально и физически готовиться к этой встрече. – Можешь даже поколотить как следует. Только дождись. И не наделай глупостей.

– Не наделать глупостей? – возмутилась я. – Да чтоб ты знал: влипать в неприятности – это мой главный талант!

– Хорошо, – как-то обреченно выдохнул Дэн. – Тогда просто береги себя, Ники.

– А ты поправляйся скорее, пока я не успела передумать и не разобиделась на тебя как следует.

Мы попрощались. После этого разговора в душе были смешанные чувства: боль, отчаяние, надежда... А еще – ревность. Я в глаза не видела эту Анабель, но однозначно теплых чувств к ней не испытывала. Даже если это договорная помолвка и невеста Дэна спит и видит, как бы укокошить будущего супруга... все равно эта мадемуазель раздражала.

С такими мыслями я и заснула. Утро наступило внезапно. И по ощущениям – прямо мне на голову. Хотя нет, на мою несчастную макушку обрушился не столько рассвет, сколько энтузиазм Дары. Некромантка обещала восстать меня из постели и слово сдержала.

Я сидела на краю кровати и пыталась осознать, где нахожусь, почему меня пытаются и как бы сдохнуть...

– Ты проспала сигнал побудки, – жизнерадостно сообщила некромантка. – Поэтому сейчас быстро собирайся, если не хочешь пропустить еще и завтрак.

Я кивнула и, зевая, начала собираться. Глянула в расписание. Первой парой стояла рунология. Интересно, многое ли успели пройти без меня? В школе такого предмета не было, и я надеялась, что пропустила вводные лекции.

Как оказалось, делала я это зря. Едва успела позавтракать, добраться до аудитории и обосноваться на втором ряду, как началось занятие и я поняла: придется наверстывать не просто много – очень много.

Профессор Кинсли оказалась женщиной во всех смыслах поразительной. Она уже достигла того возраста, когда число лет, прожитых магом, могло колебаться от сорока до четырехсот, а уровень язвительности и вовсе не имел верхней планки.

Строгая, внимательная, требовательная к себе и адептам, она не давала и минуты передышки. Ее лекция перемежалась с опросом. И когда кто-то не мог ответить, она не обращалась к следующему студенту, чтобы тот помог своему однокласснику. Метода преподавания госпожи Кинсли была иной: замаявшегося с ответом просто выдергивало с места магией преподавательницы, и тот шел к доске как марионетка – рвано, неестественно и явно против собственного жела-

ния.

Оказавшись рядом с доской, адепт, не выучивший тему предыдущего занятия, брал в руки мел и начинал писать. Точнее, как я поняла чуть позже, переписывать всю прошлую лекцию. Даже если адепт сам того не желал, его рука выводила слова помимо воли владельца, подчиняясь заклинанию профессора. И пока студент корпел над наказанием, Кинсли уже опрашивала следующих. Или диктовала новый материал.

Его я усердно конспектировала. А еще – ломала голову, глядя на первую пустую парту: где же Дрон? Или Мор? Я так и не смогла определиться, как мне его теперь называть. Раньше я сидела с сыном канцлера на первой парте и не подозревала даже, кто со мной рядом. Считала его своим другом, парнем, как и я, из простой семьи... А сейчас не знала, как относиться к тому, кто мне лгал, хотя и не намеренно.

И когда забежала в аудиторию, специально села повыше, чтобы не быть бок о бок с Толье. Напрасно волновалась: Мор вовсе не явился на занятие.

Мне повезло. Я не удостоилась ни одного вопроса от преподавателя. Но обольщаться не стоило. О последнем по окончании занятия предупредила сама профессор, когда попросила меня задержаться после звонка.

– Адептка Роук, оставайтесь! – захлопнув папку с бумагами и сняв чары с последнего несчастного, стоявшего у доски, произнесла она.

Я подошла, нервно поправляя на плече ремень сумки, и услышала:

– Сегодня я была к вам снисходительной, поскольку ректор предупредил, что вас только что выписали из лечебницы и вы навряд ли будете готовы к занятию. Но на следующей лекции снисхождения не ждите.

– Спасибо, – поблагодарила я. И за поблажку, и за предупреждение.

– Лучшей благодарностью будут для меня ваши знания по моему предмету, – отозвалась Кинсли и, не прощаясь, удалилась.

А я поспешила на следующее занятие. На нем меня ждал тот, кто не знает жалости и пощады к адептам, – Седерик Бруквор. И поблажки, чтобы не спрашивал, точнее, не сильно гонял по полигону только что вернувшуюся из целительской студентку, у него не выпросить. Потому как единственной уважительной причиной для послабления стало бы отсутствие у ученика руки, ноги или жизни. А раз все это при мне, то и нагрузка такая же, как у всех.

Я немного задержалась в раздевалке и едва ли не последней втиснулась в уже начавшую формироваться по команде Бруквора шеренгу. Преподаватель оглядел нас всех грозным взглядом, отчеканил приветствие и гаркнул:

– И помните, физически слабый страж – мертвый страж! Поэтому десять кругов по полигону рысью марш! – скомандовал Бруквор.

И наша группа стартанула. А я – вместе с ней. И тут сбоку услышала:

– Рад, что ты уже в строю, Ники.

Я повернула голову и увидела Мора.

– Привет! – как ни в чем не бывало улыбнулся он мне, словно мы действительно были друзьями, словно ничего и не произошло, словно он простой адепт из бедной семьи.

Я не успела ничего ответить, как над полем прогремел бас Бруквора:

– Эй вы, двое влюбленных голубков! Ворковать будете после занятия!

Самое паршивое – эти слова были обращены не к кому-нибудь, а ко мне с Мором! Я так сердито глянула на него, что бывший приятель виновато улыбнулся и примирительно протянул:

– Извини...

И тут преподаватель добавил:

– А сейчас, раз у кого-то еще силы на болтовню остались, дополнительный круг. Для всех!

Раздался слаженный стон, и я спиной почувствовала «благодарные» взгляды одноклассников.

– Позже поговорим... И убью я тебя тоже потом... – просипела я свое обещание. – Если сейчас на тренировке не сдохну.

Последнее было самым трудновыполнимым. Потому как в боку колело, из горла вырывались такие звуки, что можно

было подумать: я неизлечимо больна грудной жабой и уже нахожусь на смертном одре. Ноги переставляла из чистого упрямства. А на дополнительном круге перед глазами начало плыть кровавое зарево. И тут я почувствовала, как с обеих сторон двое хватают меня за руки, закидывают те себе на плечи и буквально тащат полутруп Николь Роук. При этом я оказалась приподнята над землей. Так что пятки болтались в воздухе.

Я с трудом сфокусировала зрение, посмотрела сначала направо и увидела Мора. На висках сына канцлера выступил пот, а жилка бешено билась от напряжения. Но он упрямо и неумолимо, как осадный таран, тащил меня вперед.

Повернула голову в другую сторону, и мой взгляд уперся в серьгу. Знакомую такую. Пиратскую.

– Я же сказал, что не отступлю, – произнес Миниг. Вернее, попытался произнести, а по факту – просипел от натуги. Как бы он сейчас ни пытался показать, что ему не тяжело, получалось из рук вон плохо.

– А я тебе сказала отвалить.

– Если я сейчас отвалю, то ты с задохликом свалишься носом в грязь. А нам всем потом еще круг бежать... Вас поднимать.

– Почему? – отупев от усталости, спросила я.

– Потому что стражи своих не бросают, даже если те – почти трупы.

– Хорошо, тогда можешь пока не отваливать, – милостиво

разрешила я, понимая, что, несмотря на то, что физически я была здорова, встреча с ликвидатором не прошла даром: выносливости у меня сейчас не было. И если бы не парни...

До финиша наша троица все же доползла. И рухнула к ногам тренера.

– Встать! – скомандовал Бруквор.

Мор с Минигом поднялись, а я решила прикинуться трупом.

– Адептка Роук, вам особое приглашение нужно? – сурово уточнил тренер.

– Нет, мне нужно суровое отпевание, – пробулькала я в лужу и попыталась поднять голову.

Потому как хоть некоторые лекари и считают грязь лечебной, но что-то мне подсказывало: наносить ее в целебных целях надо как-то слегка иначе. Во всяком случае, не на одежду.

Едва мой подбородок приподнялся над лужей, как я увидела перед носом сначала сапоги гренадерского размера, из кожи василиска, а затем и их обладателя – преподавателя Бруквора. Тот опустился на корточки, так что я смогла наконец видеть его лицо, и вкрадчиво произнес:

– В тебе заключена немалая сила, Роук. И чтобы ее контролировать, нужно столь же сильное тело. Иначе дар может убить своего носителя. И каждый неконтролируемый всплеск магии внутри разрушает физическую оболочку. Поняла?

Я кивнула.

– Тогда упор лежа принять! И пятьдесят отжиманий. От прохождения полосы препятствий я освобождаю. Но только на сегодня.

И я, стиснув зубы, расставила на манер квакухи руки в стороны и начала упражнение. А когда закончила, восстала из грязи и с энергией задолбанного некромантами, но не сломленного зомби поплелась в сторону общежития. И, добравшись до своего этажа, направилась в душевую.

Встала под струи воды, как была, прямо в одежде. Потому как я представляла собой монолит грязи. Та под напором воды начала стекать с меня, и наконец стали различимы куртка, штаны, рубашка... И самое обидное, одежда при этом выглядела гораздо лучше меня. Не такой помятой и однозначно более чистой. С плеча куртки вот подозрительное пятно мигом сошло, а с пальцев – еле оттерла. Вот что значит заговоренная униформа. Жаль, меня саму так не заговорить...

Когда я покупала новый комплект, продавец заверил, что ткань состоит из особых нитей, в которые еще на моменте кручения начинают вплетаться заклинания. И они продолжают добавляться на всех этапах пошива формы. Поэтому в итоге одежда получается легкой, прочной, надежной, всегда чистой и, главное, износостойкой. Проще говоря – почти неубиваемой.

Когда я вышла из-под струй, то не понадобилось никаких бытовых заклинаний: форма высохла вмиг сама, стала вы-

глядеть как новенькая и тем еще сильнее контрастировала со своим содержимым – мной. А я в очередной раз убедилась, что все имеет свой предел. В том числе плетения, повышающие прочность ткани и очищающие чары. Последние отлично справляются с загрязнениями, при условии, что те не похожи на сплошной панцирь из глины, который в пару пальцев толщиной.

Вот такая – чистая теперь снаружи и грязная внутри – я зашла в комнату, прихватила там полотенце, сменное белье и... снова направилась в душ. Теперь отмываться сама. Успела как раз к окончанию тренировки, с которой Бруквор отпустил пораньше.

И вся такая чистая, аж до скрипа, поспешила в столовую, потому как начавшийся большой перерыв хоть и назывался большим, но был не резиновым.

И только в столовой я поняла, насколько была голодна. Вмиг расправилась и с супом, и с мясным рагу. На очереди был компот, когда напротив меня за стол присел Мор.

– Мы не договорили на полигоне...

– Лично я и вовсе не хотела с тобой заговаривать, – призналась честно. – У меня от тебя одни проблемы и перманентные покушения, как оказалось.

– Ты забыла упомянуть «были», – поправил помрачневший Мор. – Но это в прошлом.

– Нет, – отрезала я. – Меня вот только вчера вновь пытались переехать. Похоже, потому, что я перешла кому-то до-

рогу. Хотя до знакомства с тобой меня на тот свет ни разу отправить не пытались... — я замолчала и, подумав, добавила: — Специально.

— А вчера? — Мор подался вперед, словно хищник, напрягивший тело перед прыжком. — Что произошло? Подробнее. И почему ты уверена, что это не случайность?

— Потому что эта «случайность», держа руль, уверенно смотрела мне в лицо через лобовое стекло и жала на газ, — отчеканила я.

Но Мор оказался настырным. И я вынужденно рассказала ему все подробности.

— Похоже, кто-то из противников отца посчитал тебя важной фигурой... — Толье побарабанил пальцами по столешнице.

Перемена уже подходила к концу, а бывший приятель так и не притронулся к еде. Сидел и, нахмурившись, о чем-то размышлял. И, хлопнув ладонью по столу, произнес:

— Думаю, ты имеешь право знать все. Возможно, это поможет нам обоим. Тебе — избежать покушений. А мне все равно нужен напарник. Один я не справлюсь. А ты знаешь, кто я... Но это не разговор пары минут. Поэтому встретимся вечером, после занятий. Буду ждать тебя у центрального входа в библиотеку в шесть часов.

— Тебе никто не говорил, что ты гад? — поинтересовалась я у Мора, который все решил за меня.

— Регулярно. Но за спиной. В глаза боятся. Так что будем

считать, что ты первая. А сейчас стоит поторопиться. Занятие по построению пентаграмм начнется через десять минут.

Пришлось признать, что по поводу практикума Мор был прав: еще немного, и мы начнем опаздывать. Подхватив сумки, мы заспешили в аудиторию. Потому как заговор заговором, покушения покушениями, но учеба по расписанию, которое никто не отменял.

Все занятие, пока каждый из нас вычерчивал на полу за- ла пентаграмму призыва низшей сущности, Мор был сама невозмутимость. Мы даже словом не перемолвились. Хотя последнее под строгим взглядом мистера Кавье было бы весьма проблематичным.

Впрочем, и на следующей паре по истории магии отвлекаться было некогда. Профессор Смерть не просто диктовал даты и перечислял события. Казалось, он забивал эти знания прямо в наш мозг. Молотком. Без анестезии. Как гвозди в крышку гроба.

После этого занятия я была выжата как лимон. А ведь предстояла еще практика в оранжерее. Много практики... Я умудрилась нахватать столько штрафных отработок, что уже чувствовала себя пожизненным рабом на плантации у жизнерадостного повелителя всея академических теплиц – господина Штопса.

Глава 3

Последний, к слову, обрадовался мне, как родной. И тут же выдал тяпку, эликсир-подкормку и отправил к грядкам с томатами. Над ними я и прокорпела до пяти вечера. А когда уже почти все закончила, то услышала со стороны двери уверенные шаги.

– Эй, зви-и-изда, – особо выделив «и», протянул с капризными нотками ломающийся с альты на тенорок голос. Говоривший, судя по всему, обращался к моей оттопыренной пятой точке. – Для тебя отдельное приглашение, что ли, нужно, Роук?

Начало разговора мне уже не понравилось.

– И куда это ты меня приглашаешь? – Я разогнулась, при этом лихо закинув тяпку на плечо на манер топора, и повернулась. Жест вышел уж очень красноречивым, отчего тщедушный и, казалось, весь состоявший из одних костей, сухожилий и кожи паренек ойкнул и даже сделал шаг назад.

Впрочем, этот прилизанный брюнет быстро взял себя в руки и, манерно поджав губки, выдал:

– Я?! Тебя, провинция? Много чести! Чего так на репетицию опаздываешь, что за тобой отдельно идти приходится? – скривившись, произнес он.

– Какую еще репетицию? – не поняла я.

– Осеннего концерта, балда! – фыркнул франтик, чуть от-

ставив свою козью ножку в форменных штанах в сторону, подальше от ведра с разведенным птичьим пометом для подкормки. – Уже все свои номера прогнали, одна ты ни на одну не пришла... А сегодня генеральная, между прочим...

– Мне некогда. – Я кивнула на недоокученные грядки.

– А нечего было на стуле выделяться – и не взяли бы, – скривился посыльный.

– А ты, значит, выделялся, но тебя не взяли? – хмыкнула я и по тому, как начало багроветь лицо адепта, поняла: попала в точку.

– У меня, между прочим, гораздо более ответственная роль на концерте, чем у любого из артистов, – важно сообщил посыльный и дернул за обшлага куртки так, чтобы разгладились складки рукавов на локтевых сгибах.

– И какая же? – не удержалась от любопытства.

– Я конференсье! – задрал нос франтик.

– И как тебя зовут? – осведомилась я.

– Триль Лунис, – важно сообщил он, словно его имя должно было мне о многом говорить. Но, увы, оно не говорило.

– Ну раз меня приглашает сам конференсье... – с ехидцей протянула я. – Тогда непременно стоит пойти... Куда, кстати?

Судя по выражению лица, мысленно меня уже послали. Причем сразу за пределы академии, в такие анатомические дали, о которых не каждый лекарь в курсе. Но вслух этот напмаженный типчик произнес более культурный вариант.

– Актальный зал центрального корпуса, – сообщил паренек.

– Спасибо, – елеинo вежливо поблагодарила я и в следующую секунду вручила ошалевшему адепту тятку со словами: – Ну, а ты тут доокучивай. Всего пару кустов осталось...

– Я?.. – Франтик разом растерял всю свою надменность.

– Ну не я же? Сам же только что говорил: меня срочно ждут на репетиции. Я господину Штопсу скажу, что ты вызвался доделать за меня отработку...

И пока адепт от такой наглости хлопал глазами, я легко перемахнула через ведро, стоявшее на дороге, и с криком: «Магистр Што-о-о-пс!» – умчалась к противоположенному выходу из беседки. Крепкий невысокий хозяин академических теплиц и оранжерей обнаружился на улице. Он раздавал указания прибывшим на отработку проштрафившимся адептам. Я сообщила ему, что почти все доделала, но меня срочно вызывают в актальный зал. А последние пару кустов охотно согласился доокучить Триль Лунис.

– Лунис? – вытаращился Штопс. – Этот хлыщ за все три года учебы ни разу тятку в руки не брал!

Оказалось, что франтик – сын крупного магната. И все отработки, которые ему назначали, просто покупал – нанимал за хорошие деньги кого-то из бедных адептов, и те, называясь его именем, отрабатывали штраф.

Оранжерейник, конечно, это прекрасно понимал, но в подлоге никого не уличал. Понимал, что не от хорошей жизни адепты соглашались подменять Луниса: на стипендию

не разбежишься. А у кого семья большая, у кого сестренка больная, у кого отец в кредитной яме...

Но сегодняшний случай Штопс упускать был не намерен. Магистр азартно засучил рукава, и... я поняла: тремя окученными кустами франтик не отделается. И оказалась права! Спустя два часа, когда генеральная репетиция была в самом разгаре и я вяленько скакала по сцене не на зачарованном, а на обычном стуле, который пыталась выдать за настоящую лошадь, используя озвучку «тыгыдык-тыгыдык», в актальный зал ввалился франтик. Точнее, то, что осталось от лощеного Луниса, сейчас обтекало подозрительной бурой жижей. За запах ручаться не могла: я все же была далеко, но то, как зажали носы адепты, что оказались рядом с сынком магната, наводило на определенные мысли...

Коричневая субстанция была дюже полезной. Для растений. А для нервной системы франтика – очень даже губительной. И судя по тому, что очищающие заклинания были бессильны, облился Лунис жижей, в которой была магическая составляющая. Бытовые чары пасовали только перед пятнами от эликсиров, в состав которых входили волшебные компоненты.

– Ты-ы-ы! – зло выдохнул Лунис и ткнул в мою сторону пальцем. Сейчас он напоминал рассвирепевшего быка. Правда, жутко тощего. – Роук! Сегодня ты нажила себе смертельного врага, поганка! Я прибью тебя...

Я встала со стула, затем спрыгнула со сцены, подошла к

Лунису (ну и разило же от него!) и, четко чеканя каждое слово, произнесла:

– Для того чтобы меня убить, нужно встать в очередь. Ты будешь пятнадцатым, – сказала и поймала себя на мысли, что хочу зажать нос. Но все же сдержалась, чтобы не портить образ гордой и независимой себя. А затем добавила: – Но считаю своим долгом сообщить: первый в этой самой очереди, когда недавно смог добраться до меня, от счастья скончался.

Франтик осоловело моргнул и возмущенно произнес:

– Так ты ТА САМАЯ Роук? Которая полоумного мага, кравшего силу, уколошила?

Я кивнула. Фамилия моя была достаточно распространенной. Видимо, сынок магната просто решил, что в выступлении участвует какая-то другая Роук. А то и на стуле я, и крепость Руфор размозжила тоже я... Как-то даже неудобно стало за свою излишнюю общественную активность...

– Ну да, та самая... – пришлось сознаться.

– Предупреждать надо! – возмущенно фыркнул Лунис с интонацией человека, у которого в этот момент жажда мести вела неравный бой с инстинктом самосохранения.

– Ну я думала, моя фамилия тебе тоже о чем-то говорит... – Я развела руками: дескать, упс, парень, ничья.

Ехидный окрик из-за спины ворвался в наш с франтиком обмен любезностями:

– Эй, голубки, если вы там наворковались, то, может, продолжим...

Лунис зло прищурился. Я тоже недовольно глянула через плечо... одним словом, у нас был столь единодушный порыв, что предложи сейчас франтик совместно с ним прибить крикуна, а потом продолжить выяснять отношения – я бы не раздумывая согласилась.

Видимо, горлопанистый адепт что-то такое почувствовал, потому как голоса больше не подавал. Но вернуться к репетиции все же пришлось. И оттыгыдыкав на стуле свой выход и уход, я покорно дождалась окончания прогона.

На часах было уже восемь вечера, когда я поплелась к себе в общежитие. А ведь предстояло еще сделать задания на завтра.

Когда я подошла к крыльцу, то заметила прислонившегося к стене недовольного Мора. Причем с букетом.

– Я тут уже прорву времени торчу. Влюбленного придурка изображаю...

– Зачем? – просила я недоуменно.

– Затем, что мы за обедом договорились встретиться. В шесть вечера. У библиотеки.

Я едва не застонала. Твою ж... Я напрочь об этом забыла!

Видимо, выражение моего лица было столь красноречивым, что Мор без слов все понял. И протянул мне букет со словами:

– Вот. Держи.

– Зачем цветы? – не поняла я.

Если до этого думала, что глупее ситуации быть не может,

то сейчас, переспросив, как канарейка, во второй раз «зачем», убедилась: может! Еще как может.

– Это прикрытие, – произнес Мор, дернув уголком рта. – Чтобы лишних подозрений не вызывать по поводу нашей встречи. А так – влюбленная парочка. И никаких вопросов. Так что бери давай. И восхищайся ароматом.

Ну я и взяла этот веник... Скромные астры пахли на удивление ярко. Чуть горьковатой свободой, осенью и закатом, последние лучи которого сейчас золотили нежно-белые острые лепестки цветов.

Я зарылась в букет лицом, на миг прикрыв глаза. А когда отпрянула от цветов, то Мор неожиданно улыбнулся и дотронулся до кончика моего носа со словами:

– Ты пылью испачкалась...

Наверняка со стороны это выглядело мило. Как и то, что Толье галантно взял мою сумку, правда не преминув тихо посетовать:

– Булыжники ты там, что ли, таскаешь?

Я оставила этот вопрос без ответа. И мы пошли прочь от крыльца по одной из дорожек. Мне показалось пару раз, что в спину нам кто-то смотрит. Но оборачиваться не стала, влюбленная девушка такие глупости не должна замечать. У нее голова другим занята.

А Мор меж тем потянул меня на безлюдную тропинку, пройдя часть которой мы сиганули в кусты бузины. Продрались через них и вывалились на полянку, в центре которой

росла плакучая ива. Ветви ее плотным пологом свисали до самой земли.

Толье отвел часть из них, открывая проход, и с интонацией галантного кавалера произнес:

– Прошу...

Я нырнула в этот своеобразный шатер. Мор следом. И едва мы оказались под покровом ветвей-плетей, как Толье тут же щелкнул пальцами, создавая полог тишины.

– Ну вот, теперь можем и поговорить, – удовлетворенно заключил он.

Хотя «поговорить» было не совсем правильно. Скорее Мор рассказывал. А я слушала. И чем дальше, тем яснее понимала: то, что казалось мне окончанием истории, было лишь ее началом.

Я наивно думала, что, уничтожив ликвидатора, смогу тихо и мирно учиться дальше. И сыну канцлера опасность больше не грозит. Ха! Как бы не так.

Мор поступил в столичную академию высшей магии не только и не столько чтобы стать стражем. У него была и иная цель.

Двадцать шесть лет назад в этих стенах учился его отец, будущий канцлер Толье, вместе со своей сестрой Лириント. Та была старше его на два года. Но она погибла. Тело было найдено в реке, что огибала академию с восточной стороны. Вот только душу для допроса некроманты призвать из мира мертвых так и не смогли. Так бывало, когда на погибшего

было наведено смертельное проклятие.

И вот спустя почти четверть века канцлеру начали угрожать тем, что есть неоспоримые улики, указывающие на то, что это он виновен в смерти сестры. И они скоро будут обнародованы, если канцлер не примет нужное для шантажистов политическое решение.

– И что это за решение? – любопытствовала я.

– Боюсь, этого я тебе сказать не могу, – печально улыбнулся Мор. – Просто знай: от него зависят судьбы тысяч простых людей.

– Значит, политика, – вынесла я вердикт.

– Причем большая, – уточнил адепт, дав понять, что игра идет по-крупному. И в ней пешка не только я, но и Мор. – Я поступил сюда, чтобы узнать, что же произошло с моей тетушкой на самом деле. Но кто-то прознал про это и решил меня устранить. И если бы не ты, Ники...

– Слушай, а твой отец действительно не убивал свою сестру? – вырвалось у меня. – Ведь если он ничего не совершал, то и улики однозначно ложные.

– Нет, но когда ставки высоки, подлог можно не отличить от истины. Поэтому единственный способ полностью очистить имя моего отца – найти настоящего убийцу Лирин. И я прошу тебя мне в этом помочь.

– Для этого ты нашел, прямо скажем, самую незаметную кандидатку, – хохотнула я. – Обо мне сейчас каждая собака в академии знает, – произнесла и вспомнила франтика – сына

магната. И поправились: – Хорошо, каждая вторая.

– А тебе и не нужно быть незаметной, – огорошил меня Мор. – Ты должна будешь отвлекать...

– Слушай, в последний раз, когда я решила тебе помочь, меня саму чуть не убили... Знаешь, на бис умирать как-то не тянет...

– На тебя и так наточили клыки едва ли не все поклонницы Стиллы. Да и сейчас ты стала столь заметной фигурой, что наверняка не будешь обделена мужским вниманием: симпатичная, сильный маг, живучая опять же... Идеальная подружка, а может, и больше, чем просто подружка... Для семьи захудалых аристократических родов, в которых магия угасает, ты неплохое приобретение: наверняка сможешь родить наследника с сильным даром. Поэтому оглянуться не успеешь – кто-нибудь да окольцует свободную тебя... Так что я хоть и не пифия, но могу напророчить: одна половина академии будет тебя ненавидеть за Дэна, другая – не давать прохода. Ты, конечно, девушка отчаянная и сильная, но уверена, что сможешь отбиться от всех разом?

– К чему ты клонишь? – прищурилась я.

– Да я не намекаю, а почти прямым текстом предлагаю: ты прикрываешь меня, я – тебя.

– Тебе не кажется, что эти прикрытия слегка неравнозначные? – Я сложила руки на груди и возмущенно уставилась на Мора.

– Как знать... На дуэли-то, желая получить доступ к тво-

ему телу, будут вызывать Дронвеля Морвира, а не Николь Роук.

Я призадумалась. Вспомнила Дэна и его голос, который просил не совершать ошибок, но... Судьба всегда предлагает нам альтернативу: вариант, как поступить правильно, и тот, который выбираю я.

Сердце шептало: верь Дэну, мы будем вместе несмотря ни на что. Но разум твердил: я и страж – из разных вселенных. Его статус, его род... Миссис Стилл явно дала понять, что в гробу она видела меня в роли своей невестки. Причем в самом прямом смысле этих слов.

Максимум, что меня ждет с Дэном, – это роль содержанки, которая делит любимого с другой. А я... я, наверное, была слишком гордой для подобного.

Сглотнула, прикрыв глаза. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Может быть, пора было оставить иллюзии в прошлом?

– Если ты согласишься мне помочь в этом деле, я обещаю тебе защиту и поддержку. И не только в стенах академии, – твердо произнес Мор и, полоснув себя по ладони невесть откуда взявшимся коротким ножом, добавил: – Клянусь кровью рода Толье.

Это были не просто слова – магический зарок. Рана адепта засветилась: мироздание принимало обещание Мора.

Я смотрела на это свечение. Сделка, которую предлагал Толье, была по-своему честной. И я понимала, что с такой просьбой он мог обратиться в академии только ко мне – той,

кто знала, кто скрывается под личиной скромного адепта из провинции.

– Помоги мне. Не ради меня. А ради жизней тех, кто может погибнуть, если заговорщикам удастся устранить с политической арены моего отца. Он выступает за то, чтобы не ввязаться в войну с Элмерией, но если его сместят, то...

Мор протянул мне рассеченную руку. Я посмотрела на нее и... согласилась. Не ради себя или собственной выгоды. Просто представила, что из-за того, что сейчас скажу «нет», может погибнуть столько людей. И как я буду просыпаться каждую ночь в холодном поту, если буду знать: я могла их спасти и не спасла...

Призвание стража – защищать простых людей от нечисти. Не пасовать перед исчадиями тьмы. Но что я буду за страж, если испугаюсь ответственности сейчас?

– Я рад, что ты согласилась, – выдохнул Толье.

А я посмотрела на ночь, что сочилась из-за опущенных ветвей, и подумала: опять вляпалась! И как мне теперь выбираться из этого положения? Здравый смысл подсказывал, что для начала неплохо бы выбраться хотя бы из-под плакущей ивы...

Что мы и сделали. И когда оказались вновь на поляне, то вокруг царила ночь. Я глянула на часы: до закрытия дверей общежития оставалось меньше пяти минут. Мы с Мором вылетели из кустов как ошпаренные и прыснули в разные стороны. Я чуть не сбила кого-то из преподавателей. Фигура

оного была внушительной и плечистой. Но я – очень целеустремленной, как таран. Итогом нашей встречи было осознание трех истин.

Даже магистры умеют браниться и знают до семи нецензурных рифм к слову «опять».

Даже очень сильные мужчины могут быть уязвимы. Главное – выбрать для атаки самое неожиданное место.

Даже если столкнулась лоб в лоб, тебя могут не узнать. Главное – двигаться **ОЧЕНЬ** быстро.

О том, что я осталась инкогнито, свидетельствовал крик упавшего преподавателя, который полетел мне в спину:

– Я еще узнаю, кто ты, паразит мелкий!

Но эти слова не остановили моего забега. Наоборот, придали ускорения.

В общежитие я влетела буквально за пару мгновений до закрытия и удостоилась минуты поругания в исполнении вахтера.

Эта дама была полной противоположностью сухопарой чопорной смотрительнице Тильде, которая отвечала за порядок на этажах. Тучная госпожа Файтенбах постоянно думала о том, как похудеть. Но как только она садилась на диету, рядом с ней кто-то садился жрать и... Одним словом, еда у нее была не удовольствием, а поводом к раздражению. И последнее вылилось на меня от всех щедрот. Видимо, сегодня госпожа вахтер все же выдержала свой пост и особенно негодовала. Так сказать, держала себя целый день в ру-

ках, но ближе к ночи силы ослабли и она вот-вот готова была вырвать... сорваться. А тут я. Вся такая почти опоздавшая. Чем не повод?

– Ну и где тебя демоны носят? Небось по кустам миловалась? И куда только преподаватели смотрят... – распекали меня, пока я бочком протискивалась мимо почтенной мисс Файтенбах – дамы, которая пусть и была в летах, но еще не в таких, чтобы не мечтать об омолаживающей прогулке к алтарю. Ведь та, как известно, даже старую деву способна сделать молодой новобрачной.

Так и подмывало ответить этой поборнице моральных принципов, что завидовать нехорошо. Но это значило бы нарваться на целую часовую лекцию о современной распущенной молодежи. Я к таким нравственным пыткам была не готова от слова «совсем». Потому держала рот на замке и кралась по стенке, чувствуя себя уже почти настоящим стражем, что ступает по полю, наштигованному заклинаниями-ловушками и взрывными проклятиями.

А госпожа вахтер меж тем распиналась:

– Стипендию вам, вертихвосткам, выделяют, заботятся о вас... А вот принесешь в подоле – и тютю бюджетные денежки, растраченные на твое образование! – В меня вперился перст с облупленным красным маникюром.

– Вы так говорите, уважаемая Файтенбах, словно никогда не слышали о противозачаточных заклинаниях, – ляпнула я. Главный воин нравственности женского общежития по-

багровела, и ее взгляд заклеил меня главной местной блудницей, против которой любые проповеди о добродетели бесполезны.

Зато на меня больше не тратили слов, чему я была, признаться, весьма рада. Потому, наплевав на метавшие гром и молнии взоры, устремилась к лестнице и спустя пару минут была уже у себя в комнате.

Соседки уже спали. У Дары сегодня, похоже, не было практикумов, но даже во сне некромантка порывалась с кем-то воевать: одеяло было распинано, подушка того и гляди удерет с кровати, а сама рыжая, лежавшая на животе с раскинутыми в стороны руками, то и дело дрыгала пяткой, словно кого-то пинала.

Лори, наоборот, укрылась едва ли не с головой и тихо сопела.

Я была бы рада присоединиться к этой разнузданной сонной оргии, но... задания на завтра сами себя не решат. Потому с усталым вздохом засела за учебники и просидела за ними до самого утра. Лишь когда за окном забрезжил рассвет, решила, что нужно хотя бы немного поспать. Посмотрела на циферблат: стрелки показывали четыре утра. Три часа до пробудки. И уже когда опустила голову на подушку, вспомнила о том, что еще надо сделать расчет матрицы переноса. И сонно протянулась к будильнику, заведя его на шесть.

Поганец-звонок, по ощущениям, заорал, едва я коснулась головой подушки. Причем перебудил всю комнату. О по-

следнем я узнала, сквозь сон услышав:

– Дара, да пришиби ты этого петуха заклинанием!

– А если не попаду? То тогда попадет нам, от смотрительницы, – ворчала некромантка.

– Так то потом. И то может быть. А этот горлопанистый петух долбит по башке своим ором прямо сейчас и безо всяких «может». Стреляй давай...

И тут до моего сознания дошло: речь идет о моем будильнике! Точнее, о том, что его сейчас сломают. Я не была сквалыгой, но дали о себе знать годы, прожитые в большой семье, чье финансовое состояние можно было кратко охарактеризовать как: мы выскребали из кастрюли все макарошки. До последней, прилипшей ко дну.

Одним словом, моя бережливая натура проснулась раньше хозяйки, и я резко пробудилась с криком:

– Он мой!

И только потом, сев на кровати, я разлепила глаза и увидела Дару с отведенной для броска заклинания рукой.

– В смысле, ты его вместо меня добить хочешь? – ехидно уточнила некромантка.

– Нет, он просто мой, – призналась я и, встав с кровати, подошла к шкафу, на котором затаился мой будильник.

Простенький артефакт с пузатым циферблатом и пестрыми крыльями (одно из них было помятым) по бокам очень отдаленно напоминал петуха. Впрочем, орал он знатно. И чтобы точно добудиться засоню, был зачарован. И едва хо-

зыйская рука пыталась его прихлопнуть – забирался куда-нибудь повыше. Излюбленными насестами для артефакта были верхние книжные полки, шкафы, гардины... Откуда только я не снимала этот купленный с рук на блошином рынке будильник.

Я приставила стул к дверце шифоньера и поманила этого горлопана:

– Цып-цып-цып...

– Ко-ко? – вопросительно отозвался будильник и осторожно сделал шаг ко мне своей коротенькой металлической ножкой.

Я продолжала манить артефакт до тех пор, пока он не приблизился в зону моей досягаемости. И едва это произошло – тут же сцапала его.

Раздалось заполошное хлопанье крыльев, и в следующую секунду я его отключила...

– Это же побудный кочет, – глядя на артефакт в моих руках, произнесла Лори. – Я сто лет таких не видела. Они такая древность, что почти раритет!

– Угу, и я даже догадываюсь, почему они вымер... в смысле их перестали делать, – фыркнула Дара, втягивая в ладонь так и не пригодившееся заклинание.

– Извините, я просто, когда ставила его, засыпала почти и не подумала, что он перебудит вас...

– Да ладно, чего уже... Зато было весело, – усмехнулась рыжая, и тут же ее глаза загорелись.

Но не успела Дара и рта открыть, как я, вспомнив, чем в прошлый раз закончилось ангажирование Пуся, предупредила: напрокат не дам. А то опять придется кого-то либо в шкаф прятать, либо мужское исподнее – голубенькое, в розовое сердечко – созерцать.

Судя по тому, что рыжая впервые на моей памяти смутилась, она тоже вспомнила и шифоньер, фаршированный одеждой, двумя адептами и Пусей, и разодранные штаны меченного тварюшкой Тинка, прорехи на которых ей пришлось зашивать.

Глава 4

– Я что-то пропустила? – глядя то на меня, то на некромантку, спросила с любопытством Лори.

– Да, – выдохнула рыжая – Десять минут моего позора.

– Расскажешь? – с азартом спросила кучерявая. – До побудки все равно не уснем уже.

Даре деваться было некуда. И десять минут позора превратились в полноценный час рассказа и хохота Лори. Я же под болтовню соседок, которая шла фоном, принялась за расчеты матрицы переноса. Закончила, как раз когда раздались звуки побудки.

Затем мы собрались и тремя зевающими зомби пошли в столовую, где и оказались одними из первых.

Уже когда мы заканчивали завтрак, адептов в зале ошутимо прибавилось. А вместе с ними среди адептов верховым пожаром разнеслась новость: на непобедимого и несокрушимого тренера Бруквора вчера кто-то умудрился напасть в парке. Ограбить, конечно, не ограбил, избить не избил, но... фингал-то поставил!

И хотя под утро наверняка магистр его уже свел, но с фонарем кто-то из глазастых студентов успел его заметить. И теперь адептская братия бурлила от предположений: кто бы это мог быть? Вор, которого пытался задержать преподаватель? Новый маньяк, охотившийся да магическим даром?

Или, может, тут не обошлось без любовных походов?

– Ты как думаешь? На кого наш грозный тренер напоролся в ночи? – спросила Дара кучеряшку.

– Скорее всего, это из-за любовницы Бруковора, – пожалала плечами алхимик, активно дожевывая булочку. – Ходят слухи, она герцогиня и ее муж, прознав, мог кого-то нанять... Кто еще мог бы побороть одного из самых выдающихся и бесстрашных офицеров страны?

Я закашлялась. И на мне тут же скрестились взоры соседа.

– Ни-и-и-ки? – вопросительно протянула алхимик, что-то явно заподозрив. И утвердительно произнесла: – Ты явно что-то знаешь.

Пришлось сознаться, все равно ведь эти двое вытянут правду.

– Вообще-то это я, – выдохнула я. – Вчера вечером это я нечаянно сбила магистра. Вылетела на него из кустов...

Дара прыснула и тут же зажала рот рукой, хрюкая уже в нее. Лори почти сумела сдержать эмоции. Лишь ее улыбка расплзлась от уха до уха.

– Я боюсь представить, что случается, когда у тебя не «нечаянно», а «специально», – хмыкнула кучеряшка.

Я лишь развела руками. А Дара, отсмеявшись, предложила:

– Давайте не будем портить репутацию нашего Бруквора этой сног-Николь-сшибательной правдой, а поддержим луч-

ше версию с наемниками и любовницей. – И, подняв стакан с почти допитым компотом, рыжая провозгласила: – За суровую брутальность, силу и непобедимость даже отрядом наемников нашего любвеобильного тренера! Ура!

Я была обеими руками только за! Ведь правда грозила мне как минимум очередной отработкой в оранжерее. И то если я докажу, что это была случайность, а не покушение.

Крик Дары услышали, подхватили, и столовая загудела еще больше. Выходили мы оттуда с видом заговорщиков, только что провернувших маленькую диверсию.

И это радовало. Но улыбалась я ровно до того момента, как вошла в аудиторию. Потому как, едва я успела сесть за первую парту рядом с Мором, что-то усилено строчившем в тетради, рядом со мной нарисовался (захочешь – не сотрешь) рыжий, как лис, веснушчатый и состоящий, казалось, из одних костей и сухожилий одnogруппник.

– Привет, я Дортон, можно просто Дор, – с ходу начал он и, тут же переключившись с меня на Мора, цыкнул: – Подвинься, Дрон, приятель, сегодня я с Роук посижу.

Я про себя усмехнулась: похоже, личина адепта из простой семьи дарила сыну канцлера много чудных открытий. И одно из них – вот такое панибратское отношение.

Мор скривился, отложил конспект и холодно заметил:

– А если не подвинусь?

– Ну значит, слетишь, – не меняя дружеского тона и не переставая лучиться улыбкой, отозвался Дор, которого я мыс-

ленно тут же окрестила Лисом.

– Я, знаешь ли, летать не умею и учиться не собираюсь, а тебе вот ускорения придать могу, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, намекнул Мор. И в этот момент приятель, несмотря на свою личину, не выглядел тем, чью роль он должен был играть – простого, чуть зашуганного паренька из провинции.

– Ты на что намекаешь, заморыш? – уже отринув беззаботный тон, поинтересовался Лис.

Мор взглянул на меня. Только взглянул. Но в его глазах я прочитала фразу: «Ну вот, я же тебе говорил про дуэли». И стало даже как-то совестно оттого, что первая, оказалось, не я помогаю Толье, а он мне.

– Да я не намекаю, – фыркнул Мор, вставая. – Я прямым текстом делаю тебе предложение, от которого ни один честный маг отказаться не сможет...

– Деньги, что ли? – не понял Лис. То ли он был бесчестным, то ли с дуэлями не сталкивался... Но нет, рыжий оказался, наоборот, слишком умным и, смекнув, что речь идет о дуэли, решил перевести все в шутку: – Тогда, если у тебя есть звонкая монетка, у меня предложение – куда ее пристроить с максимальным удовольствием в моей хорошей компании: тут недалеко такая пивная есть...

Нет, этот тип и вправду Лис. И я поспешила, пока Толье не успел возразить, что он имел в виду не гулянку, а поминки или хотя бы лазарет для одного тощего наглеца, перебить:

– Эй, конопатый. Если ты хотел рядом со мной припарковаться, то знай: ты не первый.

– И кто же этот наглец, что опередил меня? Он, что ли? – И рыжий кивнул на Мора.

– Дрон – первый. А вот за ним – целая вереница. Но если хочешь, могу поставить в очередь. Ты будешь после Пир... Минига, седьмым.

– Так, значит, ты у нас самый везучий? – смерив Мора взглядом из серии: «И откуда ты, такой шустрый, появился-то?» – поинтересовался Лис.

– Парень Ники просто не может быть невезучим: раз такое редкое чудо... – Мор кашлянул, и мне показалось, что он не договорил «...вище», – досталось.

– Учти, кроме везения, нужно быть еще и живучим: за тобой такая очередь... – весело, словно вовсе и не расстроившись, что его отшили, хмыкнул Дор. И, развернувшись, насвистывая бравадный пошленький мотивчик, Лис направился к себе за парту.

И едва он плюхнулся на свое место у окна, как в аудиторию, чуть прихрамывая, уверенной походкой военного офицера вошел магистр Кавье. И с его появлением мы всей группой провалились в преисподнюю. Потому что это был не коллоквиум, а сущее пекло. Причем плавилась не только мозги, но кое у кого и писчие принадлежности, если зазевавшийся адепт не успел их вовремя убрать подальше от своей пентаграммы переноса. И пусть последняя была в диаметре не

больше моей ладони, но языки пламени, что вырывались из нее, были лучшей иллюстрацией к поговорке: мал элементаль, да жгуч.

Впрочем, у нас с Мором пострадало разве что чувство собственного достоинства, когда не в меру наглый язык огня пришлось прибивать. И, говоря «прибивать», я имею в виду не только уничтожать. Приятелю пришлось снять ботинок и как следует настучать по пламени, которое выскочило за пределы контура и ринулось по пожароустойчивой парте к тетради Мора с лекцией.

Этот физический метод расправы не укрылся от бдительного преподавательского ока. И Кавье не преминул заметить:

– Адепт Морвир, неужели вы не могли вразумить огненного элемента добрым магическим словом? – иронично поинтересовался преподаватель, намекнув, что стоило бы использовать заклинание.

– Доброе магическое слово и ботинок лучше, чем одно доброе слово, – ничуть не смутился Мор.

Магистр на это фыркнул и проворчал себе под нос, но так, что я с первой парты сумела расслышать:

– С таким подвешенным языком ему не в стражи дорога, а в дипломаты...

Но, похоже, эти слова расслышала не только я. Приятель тут же не преминул ответить, вроде говорил он мне, но обращался явно к преподавателю:

– Речи дипломата ничего не стоят без хорошей огневой

поддержки. Я, может, и намылился бы в политики, Рин, но кто ж туда меня возьмет-то... А так буду вдвойне опасным стражем.

– Не убьешь нежить, так уболтаешь ее до смерти? – невинно уточнила я.

– Вот! Ты правильный напарник! Понимаешь меня с полу...

– ...шепота? – хихикнув, потому как подмывало что-нибудь ляпнуть, закончила я за приятеля.

Тут слышалось выразительное покашливание преподавателя. Кавье не любил, когда на его занятии адепты занимаются не предметом. Но, судя по тому, какой благосклонный взгляд магистр бросил в сторону Мора, приятель ему чем-то приглянулся. Причем не как сын канцлера, а как простой бедный студент, смелый и талантливый. Такой, кто хоть и дерзок порой, но однозначно не глуп. А ум Кавье уважал так же сильно, как не терпел дурость.

Мор меж тем глянул на меня, помотал головой и, наклонившись, надел ботинок.

За практикум нам с напарником поставили «Похвально» с восклицательным знаком. Хоть это было и не «Великолепно», но тоже неплохо.

И, радостные, мы устремились на лекцию по алхимии. На которой я узнала, что ничегошеньки не знаю. И хотя школьный курс я вызубрила превосходно, но дело было в том, что материал, который давали в столичной академии, был на по-

рядок глубже. Я старательно все записывала и мысленно прикидывала, хватит ли мне в сутках часов, чтобы разобраться еще и с этим предметом. Порой, когда были мгновения передышки, я искоса глядела на своих однокурсников: кто-то из них так же, как и я, морщил лоб, силясь все запомнить, иные выглядели скучающими, словно уже давно все знали. Может, и правда?

Украдкой посмотрела на Мора. Он хоть и не зевал, но выглядел не сильно утомленным новыми знаниями. Хотя... может, они и не были для него таковыми. Все же сомневаюсь, что у сына самого герцога Толье были плохие учителя.

– Сделай вид, что для тебя это иерихейская грамота, – шикнула я на приятеля.

«Чего?» – одним взглядом спросил адепт.

– Выбиваешься из роли. Ты выглядишь так, будто все знаешь, а Дрон из провинции, для него половина материала новая.

Мор на это благодарно кивнул и в следующую секунду глянул на доску слегка ошалелым расфокусированным взглядом человека, пребывающего в легком шоке.

Как мне кажется, он переигрывал, о чем и сообщила ему, как только занятие закончилось. На что приятель, ничуть не смутившись, ответил, что просто в точности копировал меня. А затем уже серьезно спросил:

– Ты и правда не разбираешься в теме? Совсем?

– Нет, – призналась и добавила: – Кое-что я знаю, но...

Между школьной программой провинциального города и столичной, оказывается, пропасть.

– Не пропасть, – вздохнул Мор. – Просто нам начали начитывать сразу второй курс. Потому как поступающие в лучшую столичную академию магии по умолчанию должны знать не только школьный курс, но и начальные основы высшей алхимии...

– Этого не было в буклете для абитуриентов, – ошарашенно протянула я.

– Но вопросы из алхимии были на экзаменах... – возразил мор.

– Мы с ними удачно разминулись, – вспомнила я свой экспромт.

– Значит, самое время вам позаниматься. Могу в этом помочь.

Я чуть не запнулась: Мор что, предлагает себя в репетиторы? Здорово, конечно, но у меня создавалось такое ощущение, что приятель делает все, чтобы я была как можно большим ему обязана. Загоняет в моральные долги. И я, оказавшись в них по самые уши, не смогу ему отказать в какой-нибудь просьбе.

Потому как можно мягче, чтобы не обидеть Мора (а вдруг и правда у него благородный душевный порыв, а это я себе всякого нафантазировала), произнесла:

– Я сначала хочу попробовать сама...

– Точно? – вскинул бровь приятель.

– Да, – мужественно отказалась я, про себя прикидывая, как уговорить Лори объяснить мне то, что я не поняла в лекции.

Почему-то перед соседкой я стеснения испытывала. Решив, что спрошу ее сегодня же вечером, я поспешила сначала в столовую, а затем на тренировку.

А там меня ждал Бруквор. И пусть фингала у него под глазом уже и вправду не было, зато убийственный взгляд вполне себе имелся. Им он одарил всех и каждого из нас. И во время этой церемонии «награждения» отчего-то показалось, что на мне взор тренера задержался особенно долго. Я даже сглотнула от предчувствия крупных неприятностей.

Они и не преминули случиться, когда я, усталая и измотанная, шатаясь, уже поплелась вместе с остальными адептами со стадиона.

– Адептка Роук, задержитесь.

Приказ преподавателя – закон. Его нельзя слушаться, но поскольку я едва держалась на ногах, то подумала, что порыв ветра в таком стоянии может быть для меня фатальным. И я с размаха шлепнусь носом в грязь. Потому я кивнула Бруквору, мол, так точно, и... села.

Магистр же не уточнял, как именно его стоит ждать. Мор, Лис, Пират, а за последним и Никос – белокурая принцесска – тоже замерли на месте. Я оглядела свою неожиданную группу аморальной (поскольку к морали цели двоих точно никакого отношения не имели) поддержки.

Мор – понятно, почему остался: все же я его напарница. Рыжий с Мином тоже – показать себя благородными рыцарями и через это самое благородное выбить для себя возможность приступить к первичной фазе размножения под кодовым названием «свидание».

А вот белобрысый-то что тут забыл? Судя по всему, дружку Пирата. Потому как принцесска с укоризной смотрел то в сторону приятеля, то на меня. Причем выражение его взгляда для нас с Пиратом было одно и для Николь Роук, и для Минига, чья серьга флибустьера сверкала в особенно ярко в осенних лучах выбившегося из-за туч на пару минут солнца.

– А вы, девочки, что тут забыли? – подходя к нашей компании, поинтересовался Бруквор.

Преподаватель был столь же хмур, как и тучи, ходившие по небу и грозившие вот-вот разверзнуться на наши головы проливным дождем.

– Адептку Роук, – бодро за всех ответил Мор. – Она же в таком состоянии не сможет дойти до общежития. Разве что доползти. И то к вечеру. Если не помрет по дороге. А нам не хочется потом закапывать труп... Мы своих не бросаем! А у нас группа дружная! – исправившись в последний момент, гордо возвестил приятель.

И мне самой его захотелось прикопать. Только я не знала, где тут, согласно уставу академии, принято прятать бездыханные тела.

– Не переживайте, я, если что, сам ее закопаю, – пообещал

тренер. И гаркнул: – Свободны!

Парней не то чтобы ветром сдуло, но покинули полигон они быстро.

А тренер, глянув на меня сверху вниз, видимо, решил, что ставить такую дохлятину, как я, на ноги бесполезно, и, присев на корточки так, что наши лица оказались почти на одном уровне, поинтересовался:

– Николь, я понимаю, что вы меня ненавидите. Меня как тренера все адепты вплоть до первой полевой практики ненавидят. И даже то, что вы столкнулись со мной вчера на аллее – саданули в глаз... Моя вина: не успел среагировать. Но зачем было пускать сплетню, что у меня любовница – герцогиня? Сейчас ворота академии осаждает толпа газетчиков, желающих узнать имя какой-то там герцогини... Признаться, мне еще никто из адептов ТАК не смог насолить...

Я лишь икнула. Ничего себе, как быстро распространяются сплетни!

– Роук. Вам бы подрывную деятельность в стане врага вести. Как диверсанту – вам цены бы не было... Но в таком случае физическую подготовку надо однозначно подтягивать... Дополнительными занятиями. Скажем, после пяти вечера на полигоне. С вами в компании будет еще парочка весьма перспективных и талантливых адептов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.